

А. Д. Михилёв

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

А. И. Белецкий

**о теоретико-методологических принципах исследования
художественной литературе**

Михильов О. Д. О. І. Білецький про теоретико-методологічні принципи дослідження художньої літератури. Стаття систематизує роботи О. І. Білецького з різноманітних аспектів зарубіжної літератури та аналізує теоретичні й методологічні принципи розуміння літератури як мистецтва та інтерпретації художніх творів. Виявляє основні принципи синтезу в літературознавстві.

Ключові слова: *О. І. Білецький, зарубіжна література, дух універсалізму, морально-етичні засади, синтез у літературознавстві.*

Михилёв А. Д. А. И. Белецкий о теоретико-методологических принципах исследования художественной литературы. В статье дается систематизация работ А. И. Белецкого по разнообразным аспектам зарубежной литературы и анализ теоретических и методологических принципов понимания литературы как искусства и интерпретации художественных произведений. Раскрыты основные принципы синтеза в литературоведении.

Ключевые слова: *А. И. Белецкий, зарубежная литература, дух универсализма, морально-этические начала, синтез в литературоведении.*

Mikhilyov A. D. A. I. Biletsky about theoretical and methodological principles of literature research. Classification of works by A. I. Biletsky on various aspects of history of foreign literature is regarded and theoretical and methodological principles of literature understanding as art and interpretation of works of art are examined in the article. Basic principles of literary criticism synthesis are singled out in the work.

Keywords: *A. I. Biletsky, foreign literature, spirit of universalism, moral and ethic principle, literary criticism synthesis.*

При взгляде на научное наследие А. И. Белецкого поражает многообразие интересов ученого и его обширная эрудиция. В его лице мы, без преувеличения, имеем тип филолога-энциклопедиста, которому равно доступны не только украинская и русская литературы, но и литературы зарубежные – от древнеиндийской («Дешо про «Рамаяну»» [3:5–10], античной (работы историко-теоретического характера и исследования о Гомере, Овидии, Ювенале) [3:11–271], литературы европейского Возрождения (Франсуа Рабле, Сервантес, Франциско де Кеведа-и-Вильегас, Шекспир) [3:272–396] до немецкой литературы XX-го века (творчество И. Бехера) [3:576–590]. Ни одна литературная эпоха не осталась без его пытливого внимания. Литературные стили XVII–XVIII веков [3:397–407]; «Фауст» Гете [3:440–479]; формирование романтического романа в творчестве В. Скотта [3:480–490], реалистического романа в творчестве Лесапса, которого А. И. Белецкий называет «отцом современного реалистически-бытового романа» [3:408]; романы В. Гюго «Отверженные»

и Ж. Санд «Консуэло» [3:491–535]; творчество Ады Негри, как одной из «прямых предшественниц и провозвестниц пролетарской поэзии» [3:567] XX века; романтизм и реализм во французском театре XX века [3:536–558] – вот впечатляющий диапазон интересов ученого.

Как литературовед А. И. Белецкий начался с увлечения исследованиями зарубежной литературы. Известно, что по окончании Харьковского императорского университета в 1907 году он был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию за работу «Немецкая народная легенда о Фаусте», за которую он получил золотую медаль. С 1909 по 1912 год он работает под руководством акад. А. Шахматова в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Результатом его научных изысканий стала работа «Легенда о Фаусте в связи с историей демонологии», опубликована в «Записках Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете» [см: 5]. С 1912 года А. И. Белецкий становится приват-доцентом, затем экстраординарным профессором и профессором

(1920–1941) Харьковского университета, где читает лекции по античной, западноевропейской, украинской и славянской литературам, являясь одновременно с 1976 года и сотрудником Института литературы имени Т. Г. Шевченка Академии наук УССР.

Особенно интенсивной в области исследования различных аспектов зарубежной литературы была работа А. И. Белецкого в 20–30-е годы XX века. Это было обусловлено его непосредственным участием в программе системного изучения и издания классиков в украинских переводах, начатой в Украине, (сейчас подобная работа проводится под руководством члена-корреспондента Национальной академии наук, профессора Д. С. Наливайка).

А. И. Белецкий выступал консультантом, рецензентом, автором предисловий, инициатором издания ряда хрестоматий, в частности, по античной литературе, литературе Средних веков, Возрождения, эпохи Просвещения и литературы XX века. В 1978 году вышла в свет составленная им хрестоматия по античной литературе, которая была переиздана в 1968 году. Далеко не все задуманное удалось реализовать, о чем он писал в последствии в своей «Автобиографии», с сожалением отмечая, что широкие замыслы относительно обогащения украинской культуры переводами мировой литературы удалось осуществить лишь в малой мере, причиной чему были финансовые и кадровые сложности, вызванные идеологическими давлениями на украинскую культуру.

Многие работы А. И. Белецкого по зарубежной литературе этого периода, остаются разбросанными в периодических изданиях. Значительная их часть посвящена осмыслению современного ему зарубежного литературного процесса. Он живо откликается на новейшие явления в западной литературе, о чем свидетельствует ряд его публикаций под названием «Сучасне красне письменство Заходу» в журнале «Червоний шлях» за 1923, 1924 и 1925 годы [см.: 6, 7, 8, 9].

В 1927 году «Сучасне красне письменство Заходу» выходит отдельным изданием [см.: 10], а в 1927 году появляются его новые публикации о новинках зарубежной литературы – «Французская литература в текущем году» и рецензия «Молодая Германия. Антология современной немецкой поэзии» [см.: 11, 12].

Этот далеко не полный перечень работ А. И. Белецкого о зарубежной литературе дает яркое представление о его живом инте-

ресе к истории литературного процесса прошлых эпох и эпохи современной. В тоже время отличительной чертой его штудий литературного процесса в целом, ровно, как и его наиболее ярких представителей, является строго научный подход, основанный на выработанных им теоретико-методологических принципах, нашедших отражение в целом ряде его работ, не утративших своего значения и в наши дни.

Горько признавать, что в погоне за новомодными западными теориями, мы забываем о выработанных нашими великими предшественниками литературоведческих теориях и методологиях, основанных на глубочайшем знании и синтезе мировой гуманитарной мысли, теории и методиках, которые во многом опережали западные теории и к тому же были лишены присущей им зачастую односторонности. Представляется более чем справедливым пафос недавней статьи Александра Ярового «Позитивы советской филологии», в которой он пишет об игнорировании нашим литературоведением и критикой достижений А. И. Белецкого, Л. Новиченко, Д. Лихачева, забытых и отброшенных в пылу борьбы с прошлым. «Нынешняя ситуация нашей культурной, литературной, литературоведческой потерянности (заблуканості) очень тяжелая. Мы не подошли еще и до первого этапа ликвидации «межвременного провала», не уяснили, что потеряли, и до сих пор пребываем в состоянии войны со своим недавним прошлым – вместо того, чтобы вычленив из ткани того бытия прочные нити, которые стоит использовать и сегодня» [17: F. 3].

Как на одно из подтверждений своего суждения относительно современных тенденций в отечественном литературоведении А. Яровой ссылается на высказывание критика Д. Дроздовского, который с апломбом утверждает: «В наше время мы уже не придерживаемся истины, ибо истины не существует. Сегодня аксиология смотрится атавизмом» [17: F. 3]. Таковы, к сожалению, горькие плоды безумного увлечения постмодернизмом, который неминуемо ведет и к научному релятивизму («истины нет») и к прогрессирующей дегуманизации не только литературы, но и науки о ней («аксиология смотрится атавизмом»).

А подлинная отечественная наука о литературе устами А. И. Белецкого еще в самом начале 20-х годов прошлого века заявила не только о необходимости выявления нравственно-этического начала художественного произведения как изоморфного его природе, но и нравственно-этической составляющей

литературоведческих исследований как важнейшем моменте научного постижения литературы. В статьях «Об одной из очередных задач историко-литературной науки» (1922), «Проблема синтеза в литературоведении» (1940) и «Русская наука о литературах Запада» (1946) А. И. Белецкий заложил прочно основы гуманистического литературоведения, фундаментальные положения которых сводились к следующему: «Мы – народ европейский, а потому культура Европы – это наша культура» [3:608]; науке о литературе должно быть присуще мышление «широкими масштабами» [3:610], что уже сформировалась у таких предшественников, как Орест Миллер «О нравственной стихии в поэзии», в работах А. Н. Веселовского, во «Всеобщей истории литературы» под ред. В. Ф. Корша и А. И. Кирпичникова, в работах их последователей Д. Ю. Шепелевича и С. В. Соловьева; «дух универсализма» [3:622], который не противоречит духу патриотизма и национальности.

Одним из первых поставил проблему синтеза в отечественном литературоведении А. И. Белецкий в работе «Проблема синтеза в литературоведении», опубликованной в «Ученых записках Харьковского госуниверситета» в 1940 году. Принципиально важно отметить, что основные положения этой работы уже были намечены в его ранней статье «об одной из очередных задач историко-литературной науки: изучение истории читателя», опубликованной в журнале «Наука на Украине» (1922 г., №2). В этой работе, не лишенной налета марксистско-ленинской фразеологии, А. И. Белецкий с присущей ему широтой мышления и проницательностью говорит о необходимости синтеза как важнейшей задачи современного ему литературоведения, задачи поставленной, но не решенной гуманитарной наукой конца XIX – начала XX века. Истоки идей синтеза он возводит к попыткам создания всеобщей истории литературы и сравнительного литературоведения (И. Тэн, Ф. Брюнетьер, О. Васильцев, П. В. Тигем) и к замыслу исторической поэтики А. Н. Веселовского, «этого гиганта русской науки» [13:133], опередившего, по словам ученого, «не мечтой только, а делом *litterature generale* (всеобщей истории литературы – А. Д. Михилев) западноевропейских компаративистов XX века» [13:134]. И хотя А. Н. Веселовскому, по мнению А. И. Белецкого, не удалось реализовать свой грандиозный замысел – создать подлинный синтез в виде «исторической поэтики» – синтетиче-

ской истории мировой литературы [13:134], заслуги его несомненны.

Для самого А. И. Белецкого идея синтеза неразрывно связана с «идеей закономерности» [13:133], в важнейшей области общественных наук, ибо «она дает возможность познать человечество глубже, установить его подлинное единство» [13:133] через научно осмысленную историю мировой литературы с сохранением в ней того особенного, что вносит каждая национальная литература и каждый писатель в сокровищницу мысли и духа человечества.

А. И. Белецкий развивает мысль о том, что литературе «в смысле выражения и сообщения принадлежит особое место в системе искусств», ибо ее орудием является язык, в силу чего «ни в каком ином искусстве акт познания не может осуществляться столь активно, как именно в литературе» [13:138].

Само же познание в художественной литературе ученый трактует как словесно-образное, эстетическое познание, которое отличается от других видов познания тем, что здесь «объективное находится в единстве с субъективным, познаваемое с познающим» [13:138]. Иными словами, «искусство есть активное познание, и, как таковое, оно неизбежно проникнуто чувством, принимает тот или иной эмоциональный колорит» (патетически возвышенный, трагический, комический, юмористический, сентиментальный и т.д.) [13:140].

Одним из ключевых методологических положений А. И. Белецкого является суждение о том, что любое художественное произведение – это сложно организованная и органически связанная структура, включающая три расширяющихся круга познания: микрокосм авторского самопознания, затем круг, которым очерчивается окружающий поэта мир социокультурного бытия, и, наконец, третий круг – большой мир, макрокосм, лежащий за пределами чувственной достоверности, «чьи элементы на языке разных эпох и разных классов носят различные названия — «бог», «человечество», «вселенная» [13:139]. Попутно отметим, что мысль ученого о взаимосвязанности познания в художественном творчестве личности творца и о восхождении этого познания от микрокосма личности к макрокосму Бога и Вселенной, которое в то же время становится элементом сознания личности, предвосхищает и герменевтический «круг понимания» Г.-Г. Гадамера, и концепцию «интегральной теории искусства и литературы» К. Уилбера [16:134–180].

В силу этого задачу каждого исследователя и литературоведения в целом ученый видит в том, чтобы выработать такую методологию, которая учитывала бы эту специфическую синтезирующую природу художественной литературы и препятствовала бы превращению «объектов эстетического познания» «в каталог тем и мотивов» [13:138], равно как и их чисто формальной интерпретации, зачастую ориентирующейся на новомодную терминологию. «В пору широкого увлечения терминологией, – иронически замечает А. И. Белецкий, – многим наивно казалось, что стоит только заговорить о композиции, структуре, архитектонике, как поэтика станет окончательно «настоящей» наукой» [13:141]. Не происходит ли нечто подобное и сейчас, когда в литературоведение широким потоком хлынула структуралистско-постмодернистская терминология типа «текст», «нарратор», «наррататор», «децентрация», «деконструкция», «двойное кодирование», «гетеродиегезис», «гомодиегезис», «шизоанализ» и т.п.?

Методология литературоведческого синтеза, считает ученый, должна исходить из четкого понимания того, что, во-первых, раздельное изучение формы и содержания абсолютно непродуктивно, ибо «форма произведения просто необъяснима вне мысли и содержания» [13:140], и что, во-вторых, литературоведение должно, не отбрасывая опыта прошлого, следовать за художественной практикой и осмысливать естественные и неизбежные трансформации видов искусств. Эту общую методологическую установку А. И. Белецкий дополняет конкретными принципами литературоведческого анализа.

На первый план он выдвигает мировоззренческий аспект художника – «характер

отношения познающего к познаваемой действительности, наличествующую у него общую концепцию действительности и ее специфический оттенок» [13:140]. Под специфическим оттенком имеется в виду модус эстетического отношения к действительности – трагический, комический, сентиментальный и т.п. Второй момент – это учет понимания художником «связи познаваемых явлений и связи процессов, в них протекающих» [13:140], то есть в данном случае речь идет о глубине и убедительности воспроизведенной писателем художественной действительности. Третий момент, который необходимо иметь в виду при анализе произведения, это способ или «метод передачи эстетически познанной действительности» [13:140] и, наконец, учет «специфики способа познания в...искусстве изобразительного и выразительного слова» [13:140].

Можно с уверенностью сказать, что и сама идея синтеза в литературоведении, высказанная А. И. Белецким еще в первой половине XX века в условиях жесткой идеологизации гуманитарных наук, и сформулированная им методология литературоведческого анализа, выдержали проверку временем и не утратили своей актуальности на сегодняшний день. Это, в частности, подтверждает и концепция художественного синтеза, получившая последнее время обоснование в работах Л. Г. Андреева [см: 1, 2], К. Уилбера [см: 16] и в наших работах [см: 14, 15], в которой мировоззренческая позиция художника решающим образом определяет «метод передачи эстетически познанной действительности», то есть философски-содержательную художественно-ценностную суть произведения.

Литература

1. Андреев Л. Г. От «Заката Европы» к «концу истории» // «На границах». Зарубежная литература от Средневековья до современности : сб. работ / Л. Г. Андреев. — М. : ЭКОН, 2000. — С. 240—255.
2. Андреев Л. Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? (Художественный синтез и постмодернизм) // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000—2000 : Уч. пособ / Л. Г. Андреев. — М. : Высшая школа, 2001. — С. 292—334.
3. Білецький О. І. Зібрання праць : у 5 т. Т. 5 : Зарубіжні літератури / Олександр Білецький. — Київ : Наук. думка, 1966. — 654 с.
4. Білецький О. І. Зібрання праць : у 5 т. Т. 3 : Теорія літератури / Олександр Білецький. — Київ : Наук. думка, 1966. — 607 с.
5. Белецкий А. И. Легенда о Фаусте в связи с историей демонологии / А. Белецкий // Записки нефилологического общества при С.-Пб университете. — 1911. — Вып. 5. — С. 59—193 ; 1912. — Вып. 6. — С. 1—66.
6. Білецький О. І. Сучасне красне мистецтво Заходу / Олександр Білецький // Червоний шлях. — 1923. — Ч. 9.

7. Білецький О. І Сучасне красне мистецтво Заходу. Начерк другий. Три сучасника Р. Роллан, Г. Уельс, Е. Сінілер / Олександр Білецький // Червоний шлях. — 1924. — № 3. — С. 270—276.
8. Білецький О. І Сучасне красне мистецтво Заходу. Начерк третій. Ептон Сінілер / Олександр Білецький // Червоний шлях. — 1924. — № 6.— С. 183—199.
9. Білецький О. І Літературні течії в Європі в першій чверті 20-го віку / Олександр Білецький // Червоний шлях. — 1925. — № 11—12.— С. 268—308.
10. Білецький О. І Сучасне красне мистецтво Заходу / Олександр Білецький. — Харків : ДВУ, 1925.— 61 с.
11. Белецкий А. И. Французская литература в текущем году / Александр Белецкий // Красное слово. — 1927. — № 1.— С. 139—149.
12. Белецкий А. И. Молодая Германия. Антология современной немецкой поэзии : [рец.] / Александр Белецкий // Красное слово. — 1927. — № 1.— С. 167—169.
13. Белецкий А. И. В мастерской художника слова / А. И. Белецкий / [сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Есина] — М. : Высшая школа, 1969. — 169 с.— (Классика литературной марки).
14. Михилев А. Д. Интегральная теория литературы и искусства как основа преодоления методологического кризиса в гуманитарно-художественном знании / А.Д. Михилев // Post Office Образи часу — Образи світу. Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна . — Харків, 2007. — № 776. — С. 30—38.
15. Михилев А. Д. Нобелевский лауреат (2010) Марио Варгас Льюса как выразитель продуктивных тенденций в литературе / А. Д. Михилев // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна . — Харків, 2011. — № 963. — С. 223—229.
16. Уилбер К. Око духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира / Пер. с англ. — М. : ООО «Изд-во АСТ», 2002. — 476 с.
17. Яровий О. Позитиви радянської філології / Олександр Яровий // «2000». — 2011. — 23 вересня. — С. F. 3.